

Милости ждать ли
 от нашей суровой природы, –
 Вновь сухой пролетает
 над жухлым жнивьем.
 Перебедует мы эти голодные годы
 И уж тогда заживём!

Мы бы дружили со всеми,
 но, хочешь не хочешь,
 Враг до сих пор не даёт нам
 расстаться с ружьем.
 Только скорее бы все эти войны закончить,
 И уж тогда заживём!

Как мы плывём,
 ведь кораблик наш явно сломался,
 Что-то горит и опасно трещит уже в нём.
 Выдадут всем аватар и поселят на Марсе,
 И уж тогда заживём!

Не ты ли слал за мной несчётные погони,
 Огни, дожди, ветра, пронзительную тишь
 Рассвета над рекой?

Теперь ты сам в полоне,

Ты спишь,

Мой пленник, позабыв,
 что есть на свете воля,
 И солнечный песок перетекает в сон
 Пустыней мировой...

Но что нам эти волны
 Над головой,

Когда во всех мирах распахнутые настезь
 Стоят дворцы сердец – в любое заходи!

И сам ты – только свет,
 и ничего не застишь

В груди.

Под окнами
 асфальтировщик,
 национальность не скажу,
 дороги выверенный росчерк
 ладонью гладит, как жену.

Над бугорками, беспокоясь
 и всякой трещинке дивясь,
 руки его нежнейший поезд
 почти нащупывает связь.

Тропинка давняя, дорога –
 во снах рождение тепла.
 И я, бывало, так же трогал
 жену, пока она спала.

Лес

На мир спустилась благодать:
 Стряхнув с ветвей капель тоски,
 Лучей безудержная рать
 Цветков согрела лепестки,
 Траву, что чахла в немоте –
 Во рту держала стынь дождей.
 Лес ожил, высох, и везде
 Вскипает жизнь в котле затей.

Казалось, май спасёт от бед,
 И счастлив будет каждый куст.
 Природы девственный рассвет
 Встречает сучьев звонкий хруст.
 По лесу живности толпа
 Бежит, летит... Голодный сок
 Утробы жжёт, кругом борьба:
 «Съедят сейчас, оставят впрок?»

Убил – спасайся от зубов,
 Беги и ешь: кто враг, кто друг,
 Совсем не важно, лес таков –
 Жестокий, бесконечный круг.

Здесь каждый ищет по нутру
Себе товарища для игр.
И только бобр жуёт кору,
И только всех сильнее тигр.

Хрущёвок старческий покой
Взрывает май – палач тоски.
На кухне дряблый мухобой
Из чашки вытащил клыки,
Очки надев на синий нос,
Присел, дверь тихо затворя,
Строчить в полицию донос:
«Сосед маньячит втихаря!»

5

На крещенском морозе, на полном серьёзе,
На хрустящем снегу золотые полозья...
Золотые, литые из солнечной стали –
Словно свет растворён в ослеплённом металле...

На крещенском морозе, горячем на выдох,
Ни судьба не обманет, ни случай не выдаст:
Если день ненадолго, то ночи – с лихвою,
От собачьего лая до волчьего воя.

На крещенском морозе под лунной заплаткой
Жизнь покажется краткой, покажется сладкой,
И покатится весело в санках под горку,
И окажется долгой, окажется горькой.

Ах, когда б мы, наивные, вызнали сами,
Кто на ярмарке шумной дарил леденцами,
Раздавал да прихваливал сдобным словечком,
Всё-то накрепко помня о детском и вечном...

6

За всё – как, дружок, ни крутись ты –
Когда-нибудь будет ответка.
Судьба – та ещё каратистка:
Бьет мастерски, редко да метко.

И если не понял с годами,
За что получил по мордасам,
Отправит опять на тагами,
Кто явно тебя выше классом.

А байки рассказывай дома
Таким же затюканным с детства
О личных красивых приёмах
И несправедливом судеистве.

Когда же твой шнобель шикарный
Окажется снова в уроне,

Воскликнет заветное «Кар-р-ма!»
Взлетевшая стая воронья.

7
Пепельнице

Обнявший солнце день ушёл за горизонт,
Обломками надежд когтила пыль от страха.
Предчувствие беды – ночной холодный фронт
Загнал тебя в окоп обратно, черепаха.
Скажи, зачем брони тяжёлой полоса –
Для гребня?.. Для стола, как безделушка в лаке?
Часть гибельных дождей, горячая слеза,
Под панцирь заползла песчаной черепахе.
Верёвки и узлы – злой сухожилий плен,
Распята на костях судьбой неразделимо,
Пока не съест совсем убийца – чёрный тлен,
До праха, до песка, до тени лёгкой дыма.
Умелая рука оправит в серебро
Любую кость – мою, твою... О, бедный Йорик...
Среди завала книг и россыпи Таро
Воткнет, как гвоздь в нутро, окуроч гипертоник.

8

Архитектор характера
моего постороннего –
в ярости избарахтанный
и чужой постиронии.

Зодчий мой озадаченный,
болью не избалованный,
но избавленный начисто
от бумаги мелованной.

Среди света барочного
и отсутствия брачного
ничего нет порочного
по-за строчками мрачными.

Одинокими сфинксами
да глазами намокшими,
с лезвиями да с финскими
тут гуляют помощнички.

Приходите раздаривать
мне раздрай реагентный,
беспохмельные странники,
рenegаты рентгеновы.

Я на вас и не сетую –
ватные не ломаются.
И крестами корсетными
девы мне улыбаются.

9

Мысль постричься наголо возникла
Как-то чисто так, сама собой...
Это, разумеется, из цикла:
К старости бывает... с головой.

Парикмахерша, поняв меня буквально
(Вроде бы не вовсе инвалид),
Молвила: «Зачем так радикально?
Каторжный какой-то будет вид».

Пусть стрижёт, как хочет... Вот дурёха.
Мне продать пыталась чудо-крем.
Плохо мне, ну, в общем, очень плохо...
Так что жить не хочется совсем.

В этой ситуации – чем хуже...
Типа: да одним огнём гори!..
Пусть же соответствует снаружи
Облик состоянию внутри.

...Что-то щебетала про шампуня,
Вот она – святая простота!
Вышел я, пострижен, как Джордж Клуни.
...Так и не исполнилась мечта.

10

Задувает, метелит, вьюжит – но как легко
Пить ледяное, хрустящее снежное молоко!
Так и льнёт,
так и льётся широкой рекой на грудь –
Успевай шубейку драную запахнуть...

Пахнет розами ночь –
но откуда в морозы такой цветник?
Ароматный родник – даже ветер в испуге сник.
Словно смотришь в уютный садик через забор –
И глядишь на розы как вор, и дышишь как вор...

Это чистое, нежное, чуть взглянул – и уже украл...
Это в сердце как в тайнике: декабрь, Урал,
Ночь, морозец, сердце рвётся из-под руки
Собирать горячие белые лепестки.

И морозец ему не указ, и ночь – не указ.
Если хочет оно украсть – ну как не украсть?
Это сердце, и что для него закон?
Только то и живо, что под его замком.

11

Графоманом был когда-то,
плащ коричневый носил,
рифмовал витиевато
изо всех возможных сил.

Думки думал о потомках,
доставал себе чернил
и писал стихи о том, как
жизнь убогую влачил.

В заведении питейном как-то ночью за стихи
был изрядно отметелен
полицейским от сохи,

ибо очень громко, точно
обращаясь к небесам,
прочитал ему всё то, что
для потомков написал.

Не держал в обиде разум
и, презревши благодать,
понимал: поэт обязан
за стихи свои страдать.

Так почти полжизни прожил,
научившись без конца
принимать за милость Божью
избиение творца.

12

Слова, слова, – уловишь мизер,
Когда про мозг бубнит оратор:
Он что у нас – хороший миксер
Или неважный сепаратор?

А если спросит – час неровен –
Про душу слушатель дотошный,
Вам так замутят про нейроны,
Что и в медвузе станет тошно.

Покажет фотоснимки лектор,
Где под большим увеличением
Сплелись в скопления молекул
Все наши мысли и влеченья.

Осталось в цифровые коды
Перевести теперь их токи,
И в мозг за тайнами Природы
Лезть больше нечего в итоге.

...Но что за скорая с мигалкой
Вдруг расшумелась там?... А это,
Наверно, русская смекалка
Летит на вызов интеллекта!

13

Я всё ж склоняюсь к выводу,
Что все, ребята, вы в аду.
Я уж о том не говорю,
Что все, ребята, вы в раю.